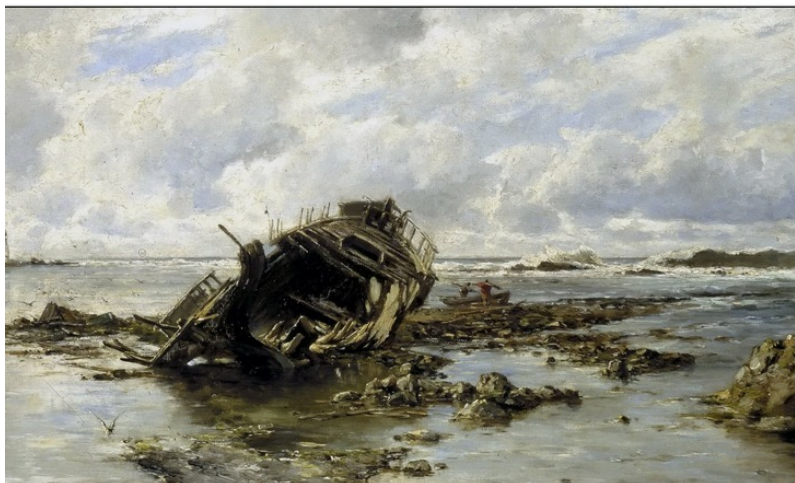

Олег Копытов

ЗЭК
Арманд Фриц

киносценарий

Олег Копытов
Зэк Арманд Фриц.
Киносценарий

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21994578
ISBN 9785448335563*

Аннотация

Он был простым эльзасским парнем. И француз, и немец. Стал солдатом. Вермахта. Потом заключенным. ГУЛАГовским зэком... Это книга-киносценарий. Но подлинных источников о событиях 1954 года в Карлаге, восстании в Степном лагере близ поселка Кенгир недалеко от Караганды здесь больше, чем в иной документальной прозе.

Содержание

Титры: Окопы немецких войск на окраине	5
Сталинграда, декабрь 1943	
Спецлагерь Рада, близ Тамбова. Большой барак	8
с двухэтажными нарами	
Flash Back. Два дня назад	19
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Зэк Арманд Фриц

Киносценарий

Олег Копытов

© Олег Копытов, 2017

ISBN 978-5-4483-3556-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Титры: Окопы немецких войск на окраине Сталинграда, декабрь 1943

Два солдата в немецкой форме сидят, прислонившись к окопной стенке.

НЕМЕЦКИЙ СОЛДАТ (на лице некоторая несерьезность, по-немецки, в русской версии фильма – субтитры): Послушай, Арманд, сейчас – носом чую, начнется артподготовка, потом пойдут танки, за ними – пехота на лыжах, чтобы взять нас красиво. Они наверняка точно знают, что у нас уже нет орудий и почти нет патронов. Ты что предпочитаешь, смерть или плен?

АРМАНД ФРИЦ (парень лет 25, симпатичный, черняво-французистый, правильные черты лица, нос прямой, без горбинки): У меня полторы обоймы, расстреляю, а там посмотрим.

СОЛДАТ: Арманд, я бы на твоём месте сразу бросился под танк, чем попасть в плен.

АРМАНД: Это ещё почему?

СОЛДАТ: Если тебя возьмут в плен, только из-за твоей фамилии русские над тобой будут издеваться долгие годы, как цыгане медведя по ярмаркам водить! (*Коверкая русский язык*) Фритс, здавайтса! Фритс капут! Фритц балшой гавнук! (С некоторым нервным оттенком, по-немецки): Тебе перевести?

АРМАНД: (По-немецки, русские субтитры) Не надо. Гюнтер. Давай перед этой атакой я тебе кое-что скажу. Только очень откровенное. Серьезное. Я расстреляю свои полторы обоймы, только не в русских, а вот в эту стенку. Ты немец, я француз. Но мы ходили с тобой в атаку на русских, когда нашим парням головы сносило, а сейчас сидим здесь и ждем атаки русских, когда нам башку снесет. Не ты меня забрал в армию и послал воевать с русскими, а Гитлер. Но – поверь мне! Я только сейчас это понял! Я, дурья башка, думал, что я воюю за Эльзас. Он – и французский, и немецкий! Но нет, Гюнтер, нет! Время Эльзаса – впереди! Оно еще не настало! Мне плевать на все! Я больше не хочу воевать. Я не трус. Я два года воевал как все. Но сейчас я понял: эта долбанная война – не за Германию, – только за Гитлера. Россию нельзя победить, напасть на Россию – это идея сумасшедшего! Их не перебить, их много и они закалены, как сталь. Всю Россию не пройти, она слишком большая, слишком непонятная. Россию нельзя понять, и поэтому нельзя победить. Я не су-

масшедший. Пусть русские берут меня в плен. Пусть ты пустишь мне пулю в лоб. Мне все надоело.

(Арманд расстреливает весь рожок своего «Шмайссера» в стенку окопа).

Спецлагерь Рада, близ Тамбова. Большой барак с двухэтажными нарами

ТИТРЫ: Лагерь Рада под Тамбовом для военнопленных-французов, октябрь 1945 года.

(Камера обводит ряд двухэтажных кроватей, тускло горит лампочка, кто-то спит. Кто-то беседует, кто-то штопает носки, кто-то что-то пишет в маленькие листки. Арманд лежит на кровати нижнего яруса, закинув руки за голову. К нему подходит человек, говорит по-французски; в русской версии фильма – субтитры).

ЗАКЮЧЕННЫЙ-ФРАНЦУЗ: Арманд, что ты наделал?

АРМАНД: Я дал по морде сволочи.

ЗАКЮЧЕННЫЙ: Охраннику!

АРМАНД: Он вольнонаемный. Даже по их правилам ему не по чину воровать. Тем более – продукты. Тем более у голодных.

ЗАКЛЮЧЕННЫЙ: Он русский!

АРМАНД: Он вор.

ЗАКЛЮЧЕННЫЙ: Все русские воры!

АРМАНД: Далеко не все.

ЗАКЛЮЧЕННЫЙ: Почти все наши скоро поедут домой.
А тебя в лучшем случае навечно сошлют в Сибирь.

АРМАНД: Я давно мечтал там побывать.

(Входит охранник с погонами старшины. Смотрит в листок. Кричит)

– Арманд Фриц, на выход!

ТИТРЫ: *Степной лагерь ГУЛАГа (Особый лагерь №4),
Лагерное отделение №3 близ поселка Кенгир, Казахстан,
весна 1954*

Вид с воздуха на бараки Лагерного отделения №3 Особого лагеря №4 близ поселка Кенгир. Пролет на вертолете или самолете с камерой так, чтобы был понятен простой план Лагерного отделения №3: четыре зоны, разделенные меж-

ду собой высокими (4-метровыми) заборами с рядами колючей проволоки сверху. Такой же, как внутренние, общий внешний забор. Общая предзона вокруг всех четырех зон. Далее – обход с камерой лагеря. В первой и второй зоне (Лагпункты №3 и №2) – мужчины, далее – хозяйственный двор со складами, кухнями, мастерскими, кучами бревен, тачками... Должно быть понятно, что это хоздвор, далее – четвертая зона (Лагпункт №1) с бараками, где одни женщины, некоторые – с детьми. К Лагпункту №3 пристроено мрачное каменное здание Лагпункта №4 – внутренней тюрьмы с штрафными изоляторами и кабинетами местных следователей... Это поздний вечерний час, солнце заходит за степь, следовательно, заключенные не на работе, они вернулись с комбината и других работ, их много повсюду...

ГОЛОС ЗА КАДРОМ¹: Весной пятьдесят четвертого после нескольких пересылок я очутился в Караганде, это самый крупный пересыльный пункт Казахстана. Карлаг – это крупнейший остров архипелага ГУЛАГ. Из Караганды мне предстояло попасть в Степной лагерь, он же – Особый лагерь №4. Это 9 лагерных отделений, в основном между поселками Кенгир и Джезказган. В том районе были обогати-

¹ На большинстве монологов героя – голоса за кадром: показ **пустых** ГУЛАГовских зон в степи сегодня: покосившиеся бараки, мастерские, вышки, колючка, плацы, заросшие бурьяном, и проч. Если не найти подобной натуры сегодня, ее нужно воссоздать.

тельные рудные комбинаты, механические мастерские, мебельные фабрики, кирпичные и саманные заводы, в общем – множество производств советской рабской экономики, там было и возведение новых поселков в голой степи, летом на адской жаре, зимой – на адском морозе. Одно из самых крупных в Степлаге – Лагерное отделение №3, зона совсем рядом с поселком Кенгир. В третье отделение я и был распределен. Туда весной 1954-го пригнали этап в 500 самых жестоких эзков, крутого криминала, а как говорили сами власти, по их парадоксальному мышлению, – менее опасных заключенных, то есть не политических, а уголовников, урок, сплошь отказников, не желающих работать, но зверствовавших над всеми другими узниками. Кроме того, там был большой контингент западных украинцев и литовцев, которые партизанили против Красной армии и терроризировали население лет пять после войны, были здесь военнопленные румыны и другие европейцы, даже японцы и китайцы, русских из 4 тысяч заключенных-мужчин было от силы четверть. Но среди них были и кто, кто в мае 45-го брал Берлин. В отдельном Лагпункте Лаготделения №3 находилось 4 тысячи женщин.... Но власти просчитались. Уголовники и инородцы, откровенные враги Советской власти и мнимые, обыватели, виноватые только в том, что они родились на Западной Украине, в Литве или в Чечне, и бывшие командиры Красной армии, которые были виновны только в том, что попали в плен, – все мы здесь в Кенгире объединились и подня-

ли восстание. Самое крупное восстание в ГУЛАГе за всю его трагическую историю. Восстание, которые вместе со всем, с недавней смертью Сталина и расстрелом Берия, а главное – с той объективной необходимостью перемен, которую уже столько десятилетий ждала Советская Россия, было началом конца ГУЛАГа... Но... до конца ГУЛАГа было еще далеко, больше двух лет, до начала восстания тоже было еще неблизко, – целых два месяца. Шел всего лишь март 1954-го.

ЛАГОТДЕЛЕНИЕ №3 – ЛАГПУНКТ №2 – УТРО

На большом плацу выстроены на развод на работу зэки. Их сотни. Два из них, один помоложе, другой постарше, в двух шагах перед строем. Во фронт строя – старший лейтенант и несколько сержантов и рядовых.

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ: Больные, говорите? Вот этого – в тачку, а этого – лечиться... В штрафной изолятор!

Тот же строй. Перед которым молодой из двух заключенных, впряженный в двуколку, груженную камнем, – и те же старший лейтенант и солдаты.

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ: Контингент! По бригадам и нарядам в колонну по пять, руки сомкнуть – становись!.. А ты, симулянт, сейчас покажешь, чем болеешь.

Смена плана, последние из колонн заключенных уходит за ворота, по плацу сильно напрягаясь, тащит двуколку с камнями заключенный, рядом с которым солдаты и сержант с кнутом.

ШТРАФНОЙ ИЗОЛЯТОР ЛАГОТДЕЛЕНИЯ №3 – ВЕЧЕР

ОХРАННИК (входит в камеру, где на цементном полу лежит человек):

– Номер СЖЖ девятьсот девяносто пятый! К тебе офицерная лафа пришла! Держи матрац, а щас тебе принесут дрова для печки, затопишь, может, не подохнешь. Нельзя вамдохнуть, ни закон, ни план не разрешает. Чё лежишь, вставай, стели матрац, я за тебя что ль буду?

Тот заключенный, что утром был на плацу, и был отправлен в изолятор, лет сорока, но выглядит старше, кавказской внешности, левой рукой все время сдавливает горло, тяжело откашливается – расстилает матрац, растапливает печь, при этом сосредоточенно о чем-то думает, кашляет.

Скрип двери, входит еще один заключенный, молодой. Дверь за ним с лязгом закрывается. Заключенные молча смотрят друг на друга. Потом старший протягивает руку.

БАТОЯН: Батоян Вагаршак Георгиевич, пятьдесят восьмая. Повторник, второй по десять.

АРМАНД: Арманд. Нас только что пригнали из Караганды. Всем сразу места в бараках не хватило, меня до утра сюда отправили. Я солдат, а сижу с сорок пятого как шпион – первая десятка.

БАТОЯН: Вы странно картавите, молодой человек, а на еврея не похож. Դո՞ւք հայերե՞ն? Вы армянин? Что, немец?

АРМАНД: Я из Эльзаса. Но я француз. И фамилию вам скажу, только не смейтесь, все смеются, но вы не смейтесь: Арманд... Фриц.

БАТОЯН: А что смеяться? Это вроде ж как у русских Ивано́в, но только Фриц – немецкое имя-фамилия...

АРМАНД: Эльзасское... Эльзас... (машет рукой и вздыхает, дескать: долго рассказывать...) ... Я имя ваше не запомнил. Скажите еще раз, помедленнее.

БАТОЯН: Да зови просто – дядька Батоян. Можно: Владимир. Можно: товарищ Батоян. Ба-то-ян! Так-то сможешь?

Говорят, во Франции много армян.

АРМАНД: В Париже, наверное, есть армяне. Я – эльзасец.

Садятся на матрас, молча смотрят на огонь. Наконец, Арманд, косившийся на то, как покашливает Батоян, снимает с себя подобие шарфа и протягивает Батояну.

АРМАНД: Берите. Вам нужнее. А нас пугали, что здесь такие отвязанные уголовники, что все заберут.

БАТОЯН: Уголовников много. И власовцев, и бандеровцев, и «лесных братьев», и бывших полицаев. Румын и венгров много, которые на стороне Гитлера воевали. Ты, похоже, тоже? Ладно, не отвечай. Здесь много кого есть. Одни малолетки чего стоят. Ты с ними не ссорься, могут налететь, как стая шакалов, вмиг на ключья разорвать. Но, с другой стороны, сильно не пугайся. Мы с ними, как ни странно, живем дружно. Да и куда они попрут, когда нас, «политиков» вместе с иностранцами – четверо против ихнего одного... А шарф оставь, тебе пригодится, до настоящего тепла еще далеко.

АРМАНД: Берите, берите. Никто не знает, от чего быстрее можно умирать: от голода или от холода... Да, и еще. У меня тут три цукара. Мне один. Вам – два. Горло смягчать.

ЛАГОТДЕЛЕНИЕ №3 – ДЕНЬ

Картины обычного утра спецлагеря. Охранники снимают замки с дверей барачков. Заключенные выходят из барачков, щурятся на солнце, кто-то оправляется прямо у стен, кто-то идет в нужник неподалеку. Команда «Строиться!» Строем по пять человек, но не смыкая рук – в большую, человек на триста, столовую, все в ватниках, у всех на столах одинаковые миски, видно, что в котлах – бурда. Построение перед главными воротами зоны. Строем по пять человек, но теперь уже сомкнув руки – в степь, где вдали дымят трубы комбината. Черно-желтая казахская степь с редкими сухими кустиками... Оглушительный рев машин комбината. Зэки с тачками, досками, у машин, у котлов, и т. д. Солнце снова клонится к закату. Колонны заключенных, так же – по пять, руки друг с другом сцеплены у локтей, возвращаются, вокруг охранники с автоматами и собаками. У всех заключенных – номера, на груди, на спине, на рукавах...

Вечернее посторонние. Переключка. Заключенные расходятся по барачкам. Охранники закрывают на больших дверях-воротах барачков тяжелые засовы и висячие замки. На маленьких окнах сверху стен барачков – решетки...

ЛАГОТДЕЛЕНИЕ №3, ЛАГПУНКТ №3 – НОЧЬ

Камера обводит ряды двухэтажных сплошных нар, где тесно рядом друг с другом спят заключенные в черных робах, камера фиксируется на маленьком зарешеченном окне под потолком, в которые, сквозь квадратики решетки, видны крупные казахстанские звезды.

ПРОНЗИТЕЛЬНЫЙ КРИК: Малолетка, строиться! Малолетка, застрой у Жида! (Так повторяется несколько раз)

За это время с нижних и верхних рядов нар горохом на пол сыпаются самые юные – от 14 до 16 – заключенные, с готовностью собираются у дальнего угла нар. Медленно из темноты появляется и садится на край верхнего ряда нар человек лет 40.

КЕЛЛЕР: А скажите, пацаны, кто из вас меня не знает?

Камера показывает план молчащих и ждущих неприятности лиц малолетних заключенных.

КЕЛЛЕР: Тогда, быть может, вы знаете даже, что Миша Келлер иногда бывает немножко зол, но никогда не будет от него зла? Ж'ид строг, но справедлив, да будет это всем вам лицшний раз известно. Знаете, да, что Мишу Келлера, которого по прошлым делам до сих пор зовут Ж'идом, может со-

всем не по-ж'идовски наказать мальчишку, который не привык слушаться?

Головы, испуганно втягиваются в плечи.

КЕЛЛЕР: (*его псевдоеврейский «акцент» куда-то пропал, взгляд наполнился сталью*) Я говорил вам, что с «фашистами» мы теперь живем дружно? Я говорил вам: «фашистов» уважать, «фашистов» не обижать, на вагонки не садиться, хавчик и тряпки не отбирать, не воровать, говорил?

Общее испуганное молчание.

КЕЛЛЕР: Миша Келлер дважды не повторяет. А два пацана из вас стали немножко туги на ухо. Два пацана решили, что деды должны им целые лекции читать о приличном поведении. Лекций не будет... А ну подойти сюда те, кто третьего дня китайскую чурку обшманал...

Flash Back. Два дня назад

ЛАГОТДЕЛЕНИЕ №3, ХОЗДВОР – ДЕНЬ

Заклученные носят мешки, пилят дрова, тянут тачки в мастерские и т. п. За сараем с десяток заключенных-малолеток режутся в карты. Один из них проиграл.

ПРОИГРАВШИЙ: Сдавай! Сдавай, падла, отыграться хочу!

БАНКОМЁТ: А чё ставишь?

ПРОИГРАВШИЙ: Китайские валенки!

БАНКОМЁТ: Чурок и фашистов нельзя шманать! И Жид и Глеб говорили. Наперхатят! Не ссышь?

ПРОИГРАВШИЙ: Никто не заметит. Мы с Вальком подем. Аккуратно сделаем. Никто не заметит.

БАНКОМЁТ: Ну, тащи, тогда побазарим!

Из кухни выходит заключенный-китаец с баком помоев, идет поодаль кухни ко рву со стоками. Ставит бак на зем-

лю, наклоняет, чтобы жижа сливалась в ров. Незаметно, тихо сзади подкрадываются малолетки, только что проигравший в карты и второй поменьше. Один берет китайца за шею, чтобы он не разгибался, второй приставляет к горлу заточку.

ПРОИГРАВШИЙ: Тихо! Ферштейн? Ботинки сымай. Нogu назад, говорю, понимаешь же по-русски, сука, чую, понимаешь!

Заточка слегка вдавливается в низ горла ближе к шее. С заточки тоненько начинает стекать кровь. Заключенный китаец, не разгибаясь, поднимает ногу, отставляет ее вверх-назад, малолетка стягивает обувь... Сморит на трофей, лезет внутрь ботинка. Вынимает войлочную стельку. Удовлетворенно улыбается.

ЛАГОТДЕЛЕНИЕ №3, ЛАГПУНКТ №3 – НОЧЬ

Келлер, сумрачно смотрящий на толпу малолеток внизу. Тяжело молчащая толпа. Выходят двое малолеток. Как раз те, что два дня назад грабили китайца.

КЕЛЛЕР: Говорю последний раз: фашистов, чурок и немцев с мадьярами не трогать. Скоро будет ясен день... А кто в него не верит, кто Мише не верит... Будет плохо жить...

Пистолет! Выстрели пару раз.

Выходит огромный заключенный. Берет малолеток за затылки и бьет их лбами.

ЛАГОТДЕЛЕНИЕ №3, ЛАГПУНКТ №3 – УТРО

Обычное утро Степлага. Все выходят из барака, кроме двух. Это вчерашние малолетки. Они лежат неподвижно рядом...

ЛАГОТДЕЛЕНИЕ №3, ХОЗДВОР – ДЕНЬ

Арманд и еще один заключенный пилят дрова двуручной пилой.

ВТОРОЙ ЗАКЛЮЧЕННЫЙ: (на очень ломаном французском) *L’herbe est verte, la vitesse de l’été arrive, pour vivre un bon!*

АРМАНД: Янош, вы так плохо учили французский в своей школе, что я сразу угадаю: у вас по французскому языку была оценка «посредственно». Я понял только то, что вы мечтаете о лете. Давайте как все – по-русски.

ЯНОШ: Тем более вы, Арманд, по-русски очень-таки...

наблатыкались. В Тамбове вы, видать, мало сидели? А где в основном?

АРМАНД: В Дубровлаге. В Мордовии. Семь лет. С одними только русскими. Почти все – политические, образованные. С ними хочешь не хочешь, быстро заговоришь по-ихнему. Впрочем, один профессор, филолог, он и помог мне хорошо выучить русский язык, всё время говорил: нет такого русского слова «ихний», есть слово «их». Странные эти русские: а ведь большинство русских не говорит «их». Говорят «ихний». Вообще – это странная страна... Кстати, я слышал, что большинство европейцев, кого не отпустили домой после войны, сидели здесь, в Казахстане, и где-то в этих местах?

ЯНОШ: Именно так. Я, можно сказать, старожил этих мест. До Особого лагеря и комбината в Спасозаводске, да и в Кенгире были лагеря для военнопленных. Там были мои соотечественники – венгры, были итальянцы и румыны, которых десятками тысяч взяли в плен еще под Сталинградом. Ну и немцы, само собой. Французов я что-то там не встречал. Откуда вы вообще взялись, здесь в России? Вы ведь вроде были союзниками?

АРМАНД: Это долгая история, Янош. Я не люблю ее рассказывать. И, поверите-нет, я сам до конца в ней многого не понял... Откуда в России пленный француз? (*Улыбаясь*)

А Наполеон? Думайте, когда говорите... Вы лучше скажите, вы видели ночью застройку у блатных? Хотя, кажется, все иностранцы спали.

ЯНОШ: Ха-ха, Арманд! Сразу видно, что в Третьем Лаг-отделении вы недавно. Если что-то ночью в бараке происходит, даже незнакомая мышь пробежала, все притворяются мертвыми, но все всё видят и слышат. Конечно, я всё видел и слышал.

АМАНД: Тогда скажите мне, что же это было? За что убили тех мальчишек? Что они сделали? И мне запомнились слова главного блатного. Правда, я плохо расслышал, но, кажется, он сказал: «Скоро будет ясный день?» Что это за метафора?

ЯНОШ: *(бросив пилить бревно, приблизившись к Арманду)* Послушайте, Арманд, здесь не очень принято, как это у русских, говорить «гоп» пока не перепрыгнешь, но я вам скажу. Здесь затевается не меньше чем... *révolution*. Уголовники с политическими, с пятьдесят восьмой, заключили нечто вроде конвенции. У них была целая конференция. Они договорились, как только настанет подходящее время, устроить большую бучу, и может быть, поменять в лагере все порядки. Страшно подумать и произнести, чего они хотят. Они хотят много-много свобод! *(Еще тише)*. Они хотят пе-

решмотра всех приговоров, снижения всех сроков, выпустить тех, кто уже пересидел, а пересидели свои срока почти все! Они хотят тем, кто останется, почти самоуправления! Фантастика! У блатных внешне всё так же. Внешне они не любят политических, по-прежнему называют не только военнопленных, но и своих, русских, но осужденных за политику, «фашистами», уголовники не работают, им по-прежнему запаadlo работать, для них наряды на комбинат – только прогулка, а хоздвор – вообще курорт, но их главари запретили всем уркам, прежде всего малолеткам, обижать политических, обижать иностранцев. Даже блатные поняли, что бороться можно только сообща, добиться даже глотка свободы можно только сообща... А те два паренька сняли с одного повара китайца теплые ботинки... Это стоило им жизни. Они нарушили новые порядки. У блатных так. Разговор короткий.

АРМАНД: И жизнь их коротка... Я уже это знаю... Ладно, Янош, спасибо! Давайте допиливать нашу кучу, а то сейчас придет бугор и оставит нас без любимой бурды...

Комбинат (Медьзавод в 3 км от пос. Кенгир), конец апреля 1954

Большой цех, печи, разлилочные ковши и под. Камера проходит извилистыми помещениями, останавливается перед

небольшой дверью, возле которой двое заключенных пристально всматриваются во входящих. В дверь входит десятка полтора человек в рабочих робах. Среди них камера выхватывает знакомые лица – Келлера и Батояна.

МАКЕЕВ (Алексей Филиппович, учитель географии, внешне и похож на учителя, участник ВОВ, трижды судим за антисоветскую агитацию): Товарищи, я говорю вам еще раз: прорыв в женскую зону – это безумие. Нужны два удара – на хоздвор, это стратегическое направление, там мастерские, там быстро можно наладить производство оружия, и одновременно – сделать проходы между вторым и третьим лагпунктами. И всё! Во всяком случае, в первые дни – всё! И потом (взгляд на Келлера), Михаил Иосифович, неужели никто из нас не понимает, что в своем плане прорыва в женскую зону вы и ваши коллеги просто потрафляете тем, кто страшно соскучился по женскому телу, кто, извините, просто хочет дорваться до баб?!

КЕЛЛЕР: Глеб, ответь политруку. Он меня никак не понимает. Разъясни ему по-вашему, по-партийному.

ГЛЕБ (Энгельс Слученков): Послушайте, Алексей Филиппович, самое страшное, чем мы совсем не сможем управлять, это освобожденные инстинкты. Здесь вы правы. Это нужно учесть с самого начала. Как только всё начнется,

у многих вместо мозгов, станут соображать яйца, извините за выражение. Но никак мы не предотвратим простого влечения полов! Рано или поздно, если всё у нас получится, все зоны, и две мужские и женская, соединятся. В худшем варианте это означает неуправляемый блуд на ночь – и всё. Дальше вохра будет всех брать пачками – тепленькими, удовлетворенными, слабыми. Этого конечно, допускать никак нельзя. Ни одна наша цель достигнута не будет. Но и предотвратить соединение зон, рано или поздно, тоже нельзя. Игнорировать засохшие инстинкты, которые вмиг будут политы дождем свободы, тоже нельзя! Надо брать хоздвор и сразу женскую зону. Я на этом настаиваю. Но заранее нужно провести среди всех четкую разъяснительную работу. Мы – со своими, а вы со своими. Я думаю, можно идти только по такому пути, заранее объявить жесткое правило, за нарушение – кровь: никого из женщин не брать силком, за насилие над женщиной – смерть! А вот кто из женщин захочет, на того, зэк-мужик, может быть, и вскочит. А всем, всем остальным женщинам, в первый же миг прорыва всем остальным женщинам гарантировать свободу и неприкосновенность, так вот я думаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.